

Бродский
Иосиф Александрович
(1940 – 1996)

Нобелевская премия – 1987г.

**«За всеобъемлющее творчество, пропитанное
ясностью мысли и страстностью поэзии»**

Иосиф Бродский

1940 – 1996 г.

Нобелевский лауреат 1987 года.

Что сказать мне о жизни?
Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую
солидарность.

Но пока мне рот не заби́ли глиной,
из него раздаваться будет лишь
благодарность.

Иосиф Бродский родился 24 мая 1940 г. в Ленинграде.
Отец Александр Иванович Бродский (1903-1984) был
фоторепортером,
Мать Мария Моисеевна Вольперт (1905-1983) – бухгалтером.
В школе, которую посещал Бродский, некогда учился Альфред
Нобель.

«Добрый день, моя юность. Боже мой, до чего ты прекрасна.»

Мать И.Бродского Мария Моисеевна была бухгалтером, отец Александр Иванович – известным фотожурналистом (во время Великой Отечественной – флотским корреспондентом).

Иосиф – поздний и единственный ребёнок в семье. Окончил семилетку, ушёл на завод, с 15 лет сменил десяток профессий.

Стал одним из образованнейших людей своего времени.

Родители, – писал Бродский
систему, собственное бессон

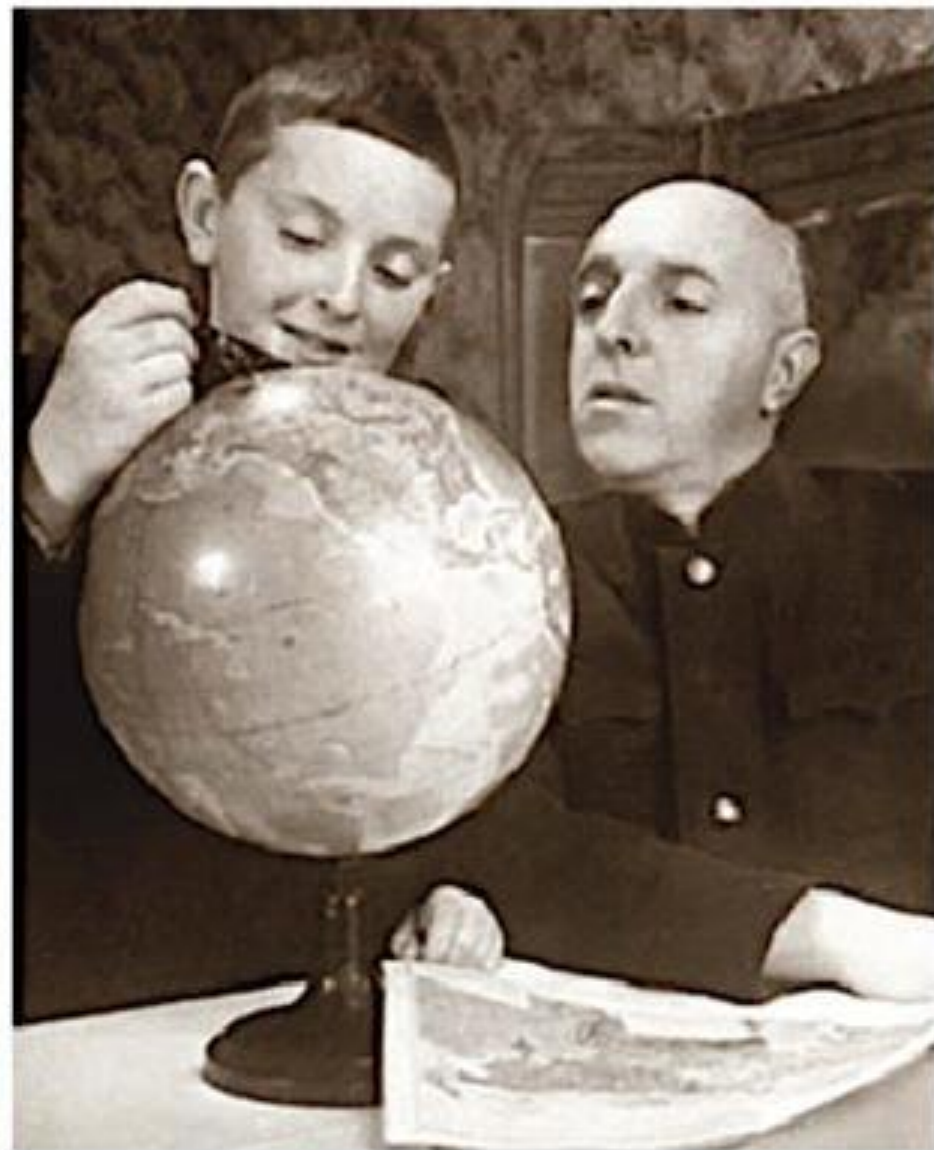

Иосиф Бродский на балконе дома Мурузи (Литейный просп.,24). 1958г. Фото А.И.Бродского.

Иосиф с матерью, 1946 г
1951 г

С отцом,

В 1962 году Бродский встретил молодую художницу Марину (Марианну) Басманову. Первые стихи с посвящением «М. Б.»: «Я обнял эти плечи и взглянул...», «Ни тоски, ни любви, ни печали...», «Загадка ангелу» датируются тем же годом.

С 1962 по 1972 год Марина была гражданской женой Иосифа Бродского. В 1965 г. родила сына Андрея.

...В который раз на старом пустыре
я запускаю в проволочный космос
свой медный грош, увенчанный гербом,
в отчаянной попытке возвеличить
момент соединения... Увы,
тому, кто не способен заменить
собой весь мир, обычно остается
крутить щербатый телефонный диск,
как стол на спиритическом сеансе,
покуда призрак не ответит эхом
последним воплям зуммера в ночи.

ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ (1940–1996)

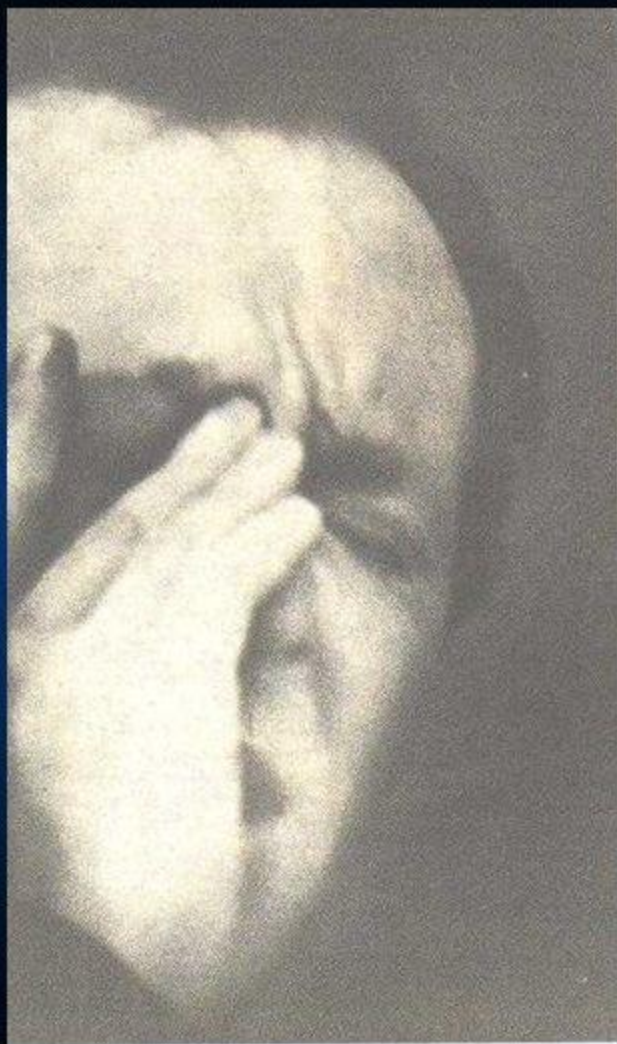

«Человек, создавший мир в себе и носящий его, рано или поздно становится инородным телом в той среде, где он обитает. И на него начинают действовать все физические законы: сжатия, вытеснения, уничтожения»

- До 15 лет Иосиф Бродский учился в школе, бросил ее, пошел работать и сменил несколько профессий. Писать стихи начал в 16 лет. В короткое время он овладел тем запасом профессиональных приемов, который позволил ему превзойти тогдашний общий уровень официальной подцензурной поэзии. При этом он писал именно то, что хотел а не то, что дозволялось.

Арест

- Вечером 13 февраля 1964 года на улице Иосиф Бродский был неожиданно арестован.
- После первого закрытого судебного разбирательства 18 февраля в районном суде на улице Восстания поэт был помещен в судебную психбольницу («психушку»), «где три недели подвергался издевательским экспериментам, но был признан психически здоровым и трудоспособным».

ОКОЛОЛИТЕРАТУРНЫЙ

ТРУТЕНЬ

Несколько лет назад в окололитературных кругах Ленинграда появился молодой человек, именовавший себя статистором. На нем были выцветшие штаны, в руках — выцветший портфель, набитый бумагами. Зерной он казался без глянцевой уборы, и сияющая беспрепятственно приоткрывала его рыжеватые волосы.

Принимая звание его за просто — Олей. В нем не хватало его величавого облика писателя — Иосиф Бродский. Бродский посещал литературное объединение академического литератора, занимающиеся во Дворце культуры имени Перова актрисы. Но статистором в выцветших штанах решил, что занятая в литературном объединении не для его шаровой катур. Он даже стал внушать знакомой молодежи, что учеба в таком объединении способствует творчеству, а посему он, Иосиф Бродский, будет карабкаться на Парнас одиночно.

С чем же зовем явиться этот самоуверенный юнец в литературу? На его счету был десяток другой статисторской, порочившейся в томишкоую школьную тетрадку, и все эти статисторские свидетельства о том, что мировоззрение их автора ясно вытекает из «Кладбища», «Умру, умру...» — по одним лишь этим названиям можно судить о своеобразном уклоне в творчестве Бродского. Он подражал поэтам, проводившим бескием и неверие в человека, его стихи представляли собой из декадентских, модернистских и самой обыкновенной тарбарщины. Жалко вытаскивал убогие подражательские выскочки Бродского. Впрочем, что-либо самостоятельное сотворить он не мог: силенок не хватало. Не хватало знаний, культуры. Да и какие могут быть знания у недючка, у человека, не окончившего даже среднюю школу?

Вот как высокопарно возмущает Иосиф Бродский о сотворенной им поэме-мистере:

«Наде поэмы — идея персонафикации представителя о мире, и в этом смысле она гени баналу.

Цель достигается путем изложения более или менее приблизительно формулировок этих представлений в уста двадцати не так более как менее условных персонажей. Формулировки облечены в форму романсов».

Кстати, провинциальные пружины некогда тоже обоняла романы. И милошники из с особым надменным, под гитару.

А вот так начинаются жаления Бродского:

От поступков поступков
В упрямой узду в экивоки

Вот, так начинаются, милошники

державшие социалитературные личности своим заказам. Вечером — ресторан или кафе. Странный Божал актелик. Тут же приятель, которого называют по имени, как Джемф или Джек, и девица, обязательно в очках, обязательно с копной вытерженных волос. Вот так, глядясь, и день пролетит. Бессмысленно, никому не нужное жатье!

Кто же составлял и составляет окружение Бродского, кто поддерживает его своим восторженным «ахххх» и «ооооо»?

Мариямца Волонская, 1944 года рождения, ricca богемной жизни оставившая в одиночестве мать-инженеру, которая глубоко переживает это; приятельница Волонской — Немданова, преподавательница языка и всяческой мистики; Владимир Шнейбман, функционер которого не раз можно было обнаружить на сатирических пикетах, выпускаемых маршалским дружином. Отец Шнейбмана не гнушается обирать бедняжку мать, гробуж, чтобы она давала ему из своей небольшой зарплатки деньги на карманные расходы; угловатый Анатолий Гейтман; бездельник Ефим Славинский, предположительно

несколько выключивший из интеллигентных, а в вообще кидге не расся воле иностранцы жайших друзей Бродского окололитературе Владимир Герасим иностранного барах, более известный под

Эта грузька не те Бродскому похвалы, распространять обреченная среди молодежи оида Арсеном пере на своей знакомой в горной Ковалева, Валкача и В. Широко «Графа, полсовывала» ласкам.

Как видите, Носи очень разборчива в «вах». Ему не важно, вскарбачиться на I бы вскарбачиться, I лад себя не просто так всех поэтов. Сперва же прощай Иосиф Бродский, уион: в поступках похвалителю отири лад не был в титон вале Иосиф Бродский

жупа, Бродский был предельно опровержен. Он и в самом деле не любит Иосиф Отучены и не скрывает этого. Больше того! Им долгое время выкашивались планы имени Родана.

Ожидаем по приглашению своего дружка О. Шахматова, выше осужденного за уголовное преступление, Бродский специально выехал в Самарканд. Вместе с толпой тетрадой своих стихов он захватил и философский трактат некоего А. Уиневского. Суть этого «трактата» состояла в том, что молодежь не должна-де стесняться себя догом перед родителями, перед обществом, перед государством, поскольку это склеивает свободу личности. «В мире есть люди черной кожи и белой. Так что к людям (к черным) надо относиться отрицательно, а к другим (к белым) позитивно», — начал этот в конце разложившейся человек, возмущавший свое мышление из идеологического арсенала матерых фашистов.

Перед нами лежат протоколы допросов Шахматова. На следствии Шахматов показал, что в гостинице «Самарканд» он и Бродский встретились с иностранцем, американцем Моллием Бейлс пригласил их к себе в номер. Составился разговор.

— У меня есть рукопись, которую у нас не издадут, — сказал

Эта статья в газете «Вечерний Ленинград» (1963 г.) положила начало травле поэта в СССР

Перед заседанием суда. Снимок сделан скрытой камерой

- Иосиф Бродский – одаренный ленинградский поэт, оцененный Ахматовой, официальное признание получил чисто по-советски: сначала его не печатали, потом в 1964 году устроили показательный процесс и осудили как тунеядца на пять лет ссылки. Усилиями друзей, писателей и деятелей культуры Бродский был освобожден досрочно и в сентябре 1965 года вернулся в Ленинград.

В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду.

Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
в деревне он в избытке. В чугуне
Он варит по субботам чечевицу,
приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу.

Он изгороди ставит. Выдает
девицу за лесничего. И в шутку
устраивает вечный недолет
объездчику, стреляющему в утку.

Возможность же все это наблюдать,
к осеннему прислушиваясь свисту,
единственная, в общем, благодать,
доступная в деревне атеисту. 1964

«Я работал – я писал СТИХИ.»

Дер. Норенская.
1964 г.

«Ссылный»

В 1964 году по сфабрикованному обвинению поэт приговорён «за тунеядство» к пяти годам ссылки в Архангельскую область «с обязательным привлечением к физическому труду».

MyShared

Освобождение

В августе 1965 года двадцать известных деятелей культуры, в том числе Чуковский, Ахматова, Паустовский, Копелев, Гранин, Маршак, подписали письмо к генеральному прокурору СССР с требованием освободить поэта. В его защиту во французской прессе выступил Жан-Поль Сартр. В сентябре, после 18 месяцев ссылки, Бродский был освобождён.

в 1965 году в Нью-Йорке вышла первая, составленная Глебом Струве, книга стихов, переведённая затем на французский, немецкий и голландский языки.

Иосиф Бродский в Норенской с другом Яковом Гординым, писателем, историком, автором книги «Дело Бродского»

Замечательная журналистка, писательница и педагог Фрида Абрамовна Вигдорова не только осмелилась тайно сделать запись суда над Бродским, но и затем настойчиво боролась за освобождение поэта. Она не дожидаясь до него всего месяц.

Своей дочери Иосиф Бродский дал первое имя - Анна - в честь Анны Ахматовой. Чем глубже он размышлял о ее судьбе, тем больше преклонялся перед великой стойкостью ее духа в страшных испытаниях, творческим и нравственным величием, умением прощать, скромностью и добротой.

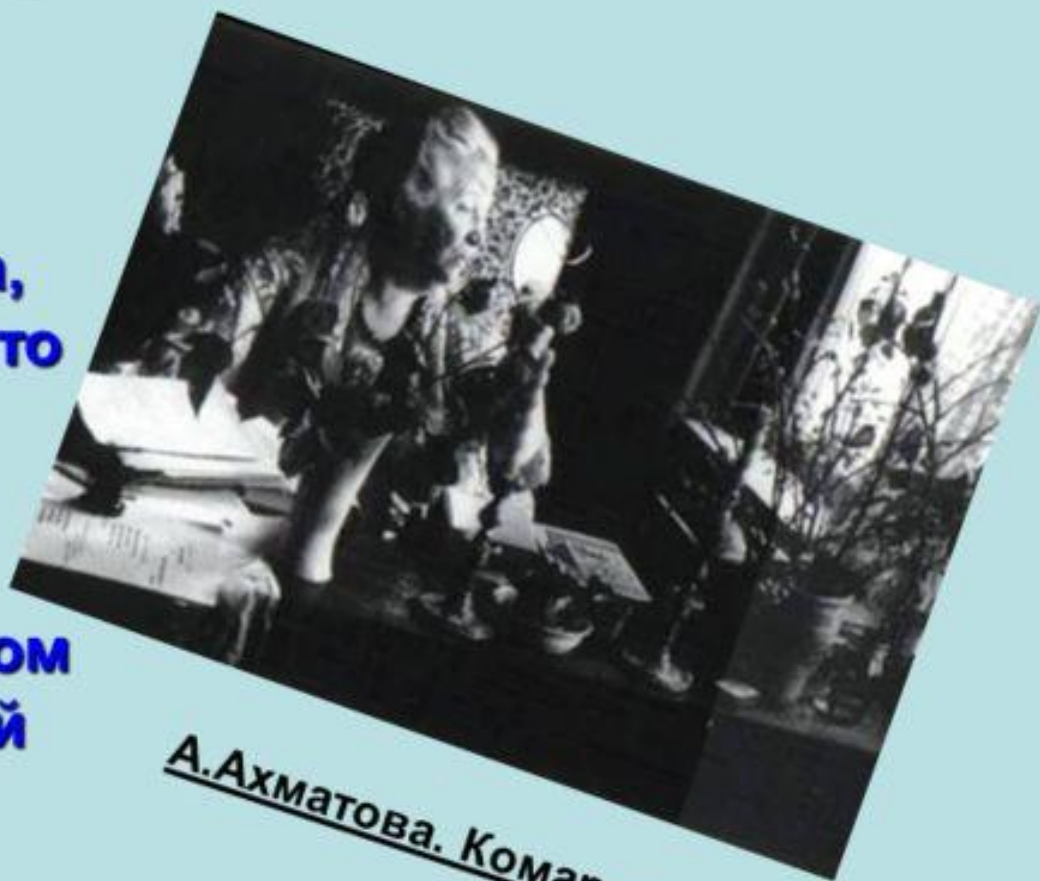
1961. В августе Рейн познакомил его с Анной Андреевной Ахматовой, уверенно выделившей Бродского из его окружения, одарившей его дружбой и предсказавшей ему блестящее поэтическое будущее (известен автограф Ахматовой на книге ее стихотворений (1961), подаренной Бродскому: «Иосифу Бродскому / чьи стихи кажутся / мне волшебными / Анна Ахматова / 28 декабря / 1963 Москва).

«Какую биографию *они* делают нашему рыжему!...» (А.А.Ахматова)

Немало сил для
освобождения поэта
приложила А.А.Ахматова,
сама хорошо знавшая, что
такое опала.

«Стихи описывали
недоступный для слишком
многих уровень духовной
культуры. Поэтому
Ахматова назвала их
волшебными.» (С.Лурье)

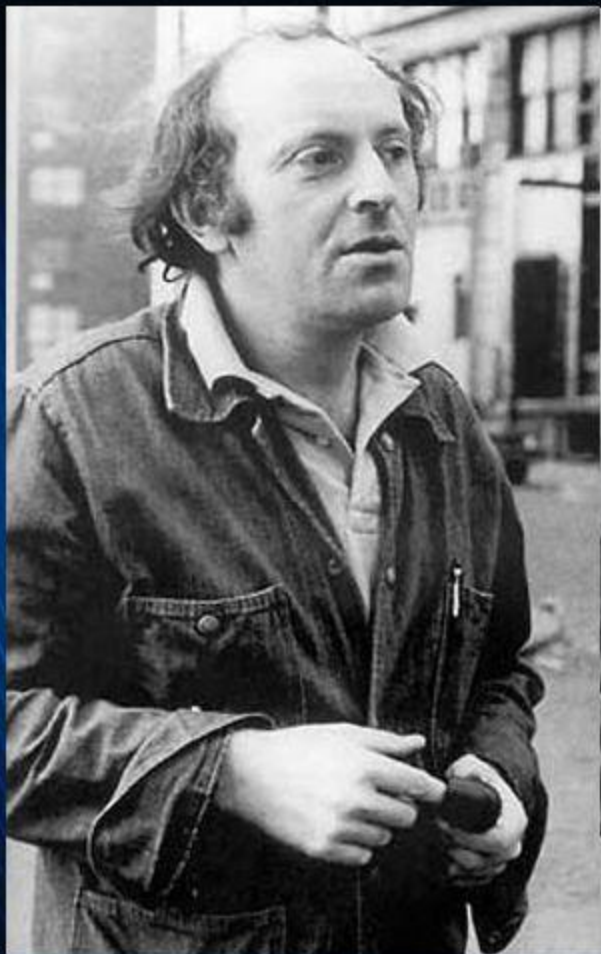
А.Ахматова. Комарово., 1965 год

В 1966 году умирает Анна
Ахматова. После её смерти с
легкой руки

Д. Бобышева четверо
молодых поэтов, в их числе и
Бродский, в мемуарной
литературе нередко
упоминались как
«ахматовские сироты».

1966-1972 (6 лет)

- Вернувшийся досрочно из ссылки (сентябрь 1965 г.), Бродский попытался активно включиться в литературный процесс.
- Он упорно и напряженно учился на образцах, анализировал удачи и неудачи других поэтов, осваивал новые ритмы и строфику, чрезвычайно продуктивно работал творчески, писал оригинальные стихи, переводил, читал стихи и переводы на литературных вечерах.

Бродский подготовил книгу английской поэзии. Но оказалось, что для её выхода есть одно непреодолимое препятствие-имя переводчика. В советском Союзе его не печатали, издаваться он мог только на Западе. Но он не хотел уезжать, хотя в Америку звали читать лекции. 24 мая, в день рождения, в его доме собралось множество людей, было море цветов. Иосиф делал вид, что ничего не происходит.

Иосиф Александрович Бродский – единственный ребенок в семье ленинградских интеллигентов – родился 24 мая 1940 г. в Ленинграде.

С отцом - Александром
Ивановичем Бродским. 1959
год

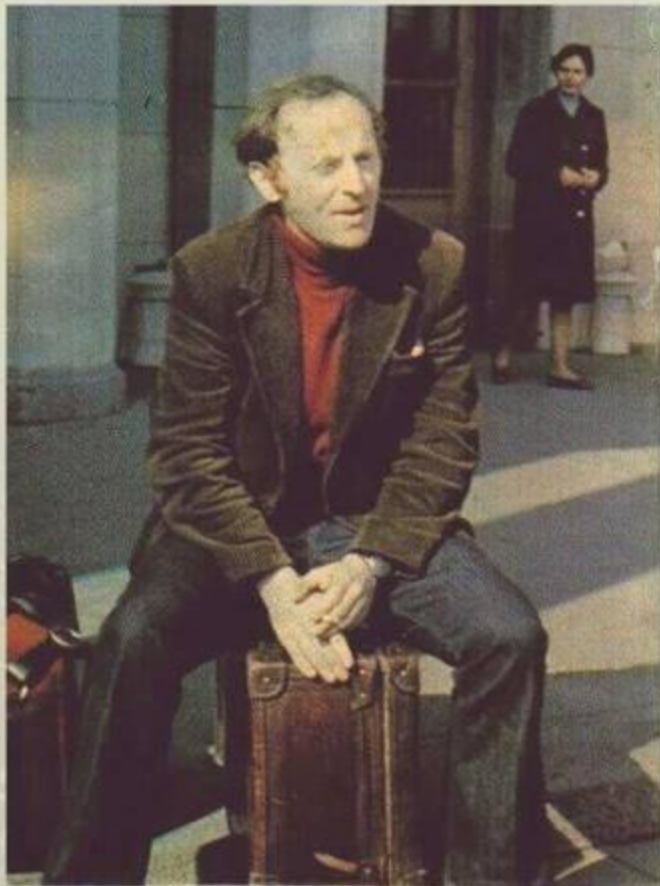

С матерью - Марией Моисеевной Вольперт.
1959 год.

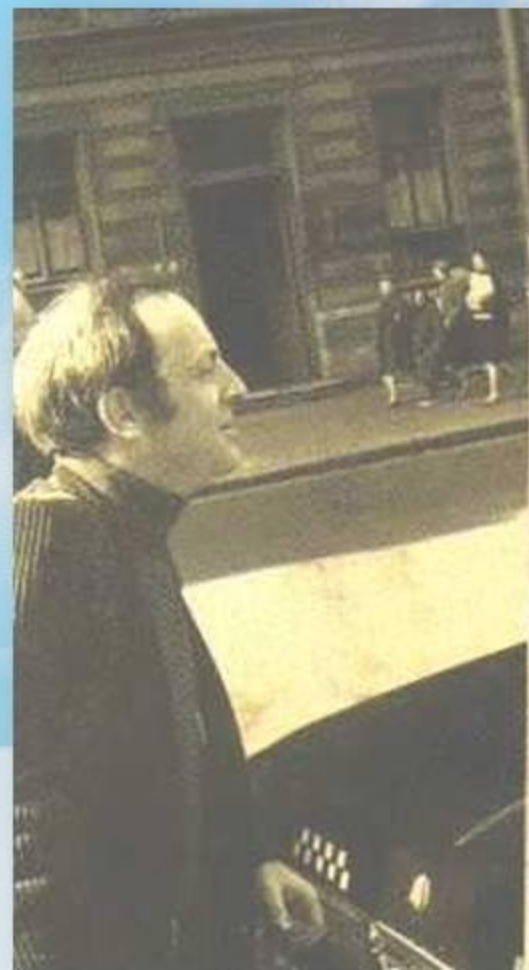
*Иосиф Бродский в
Пулково.
День отъезда в
эмиграцию –
4 июня 1972 года*

Прощание с Россией.

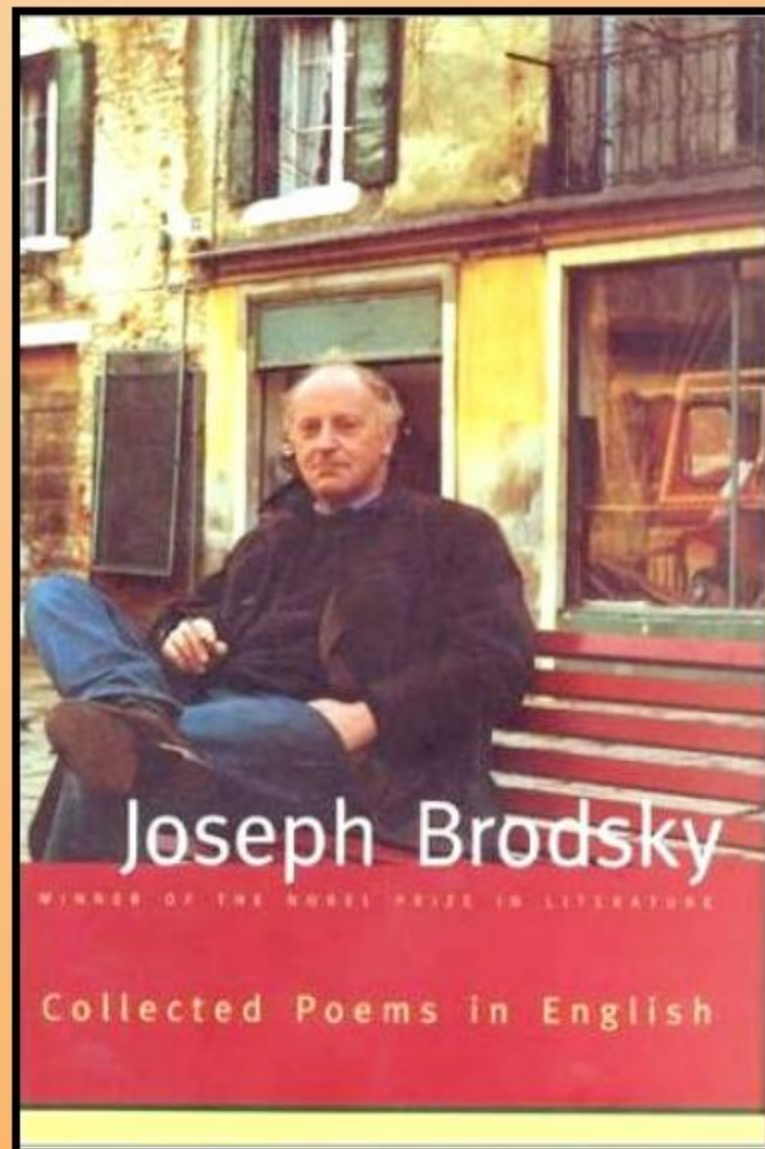

Тем временем российские спецорганы ускоренно готовили высылку неудобного, несломленного, бескомпромиссного поэта Иосифа Бродского за рубеж.

Рано утром 4 июня 1972 года, покидая страну, как казалось и оказалось, навсегда, собираясь в аэропорт "Пулково", Иосиф Бродский написал письмо Генеральному секретарю КПСС Леониду Брежневу, в котором выразил надежду, что ему разрешат публиковаться в русских журналах и книгах

Родители Бродского двенадцать раз подавали заявление с просьбой разрешить им повидать сына (вместе или по отдельности), но даже после того, как Бродский перенёс операцию на открытом сердце в 1978 году и из клиники было написано официальное письмо с просьбой позволить родителям приехать в США для ухода за больным сыном, им было отказано. Мать Бродского умерла в 1983 году, немногим более года спустя умер отец. Оба раза Бродскому не позволили приехать на похороны. В 1986 году было написано «Представление». Родителям посвящены «Мысль о тебе удаляется, как разжалованная прислуга...» (1985), «Памяти отца: Австралия» (1989), эссе «Полторы комнаты» (1985).

Андрей Хрижановский

ПОЛТОРЫ КОМНАТЫ

или Сентиментальное путешествие на родину

Бродский уезжает в США, где получает признание и нормальные условия для литературной работы.

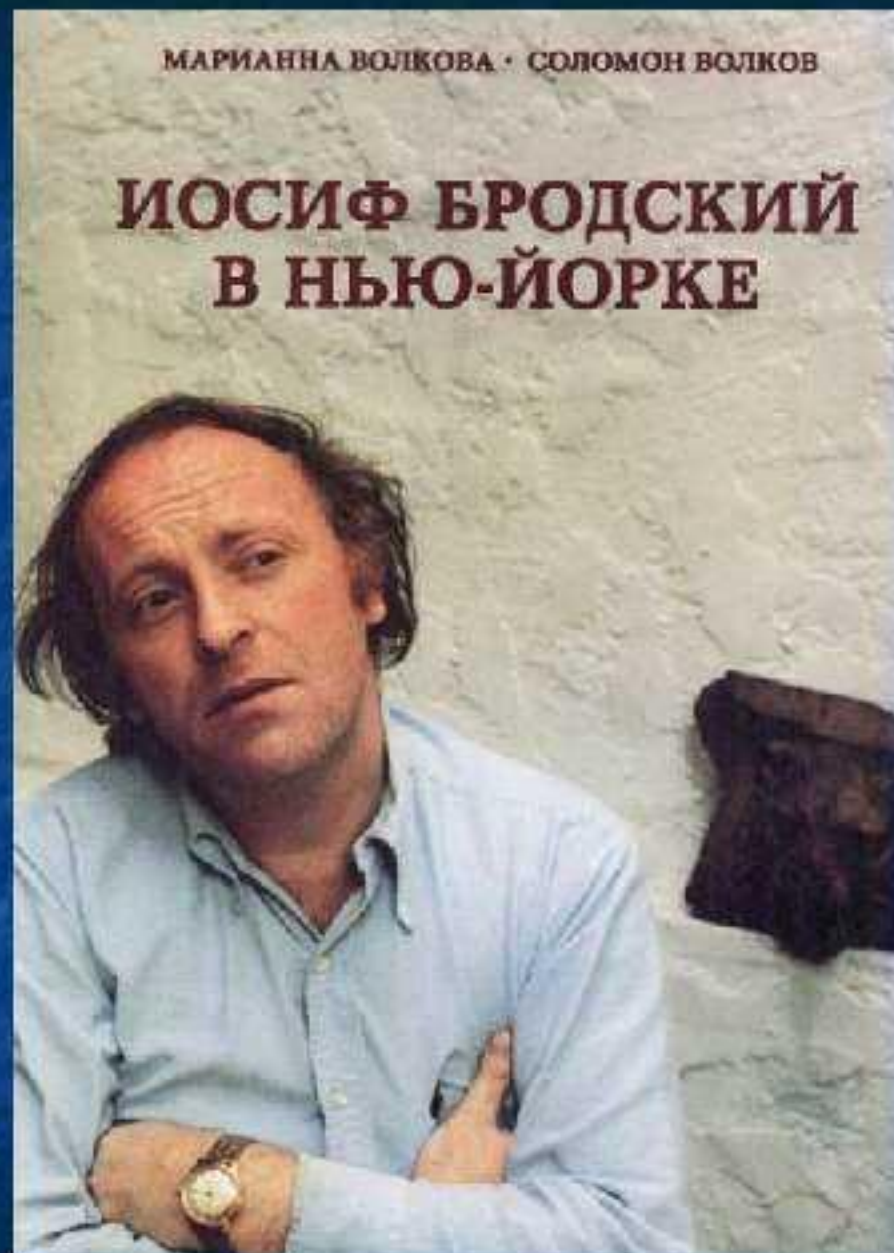
Он начал работать в должности приглашённого профессора на кафедре славистики Мичиганского университета в г. Энн-Арбор: преподавал историю русской литературы, русской поэзии XX века, теорию стиха. В 1981 году переехал в Нью-Йорк.

Не окончивший даже школы Бродский работал в общей сложности в шести американских и британских университетах, в том числе в Колумбийском и в Нью-Йоркском.

В США Бродский преподавал русский язык и литературу, писал стихи на английском, иногда на русском языке.

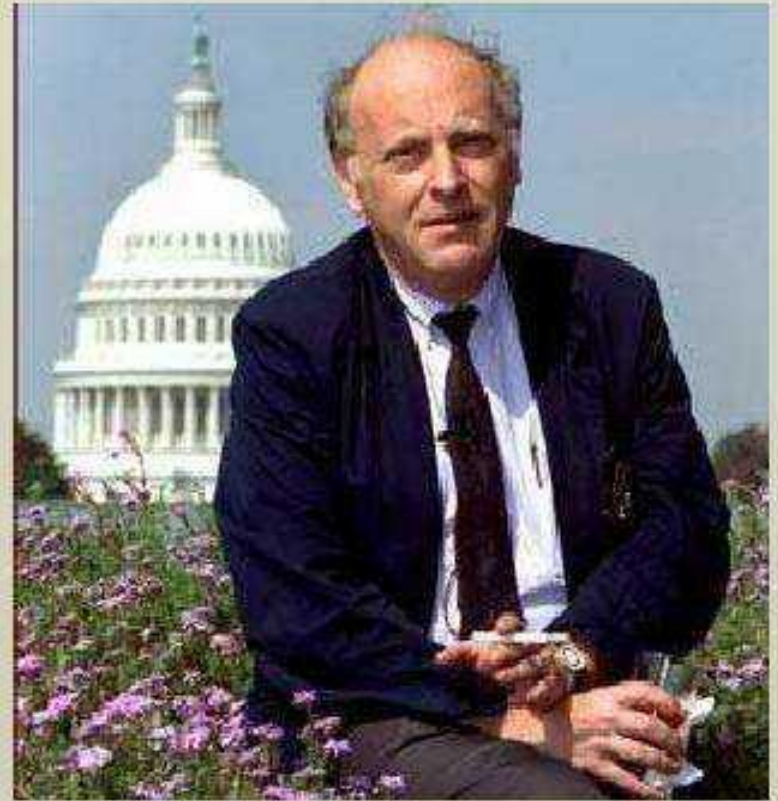
Выпустил несколько сборников:

«Остановка в пустыне», «Часть речи», «Римские элегии», «Урания» и другие.

В США Бродский в полной мере реализовал все те возможности творческого и карьерного роста, а также издательской активности

В 1980 г. Бродский получил американское гражданство

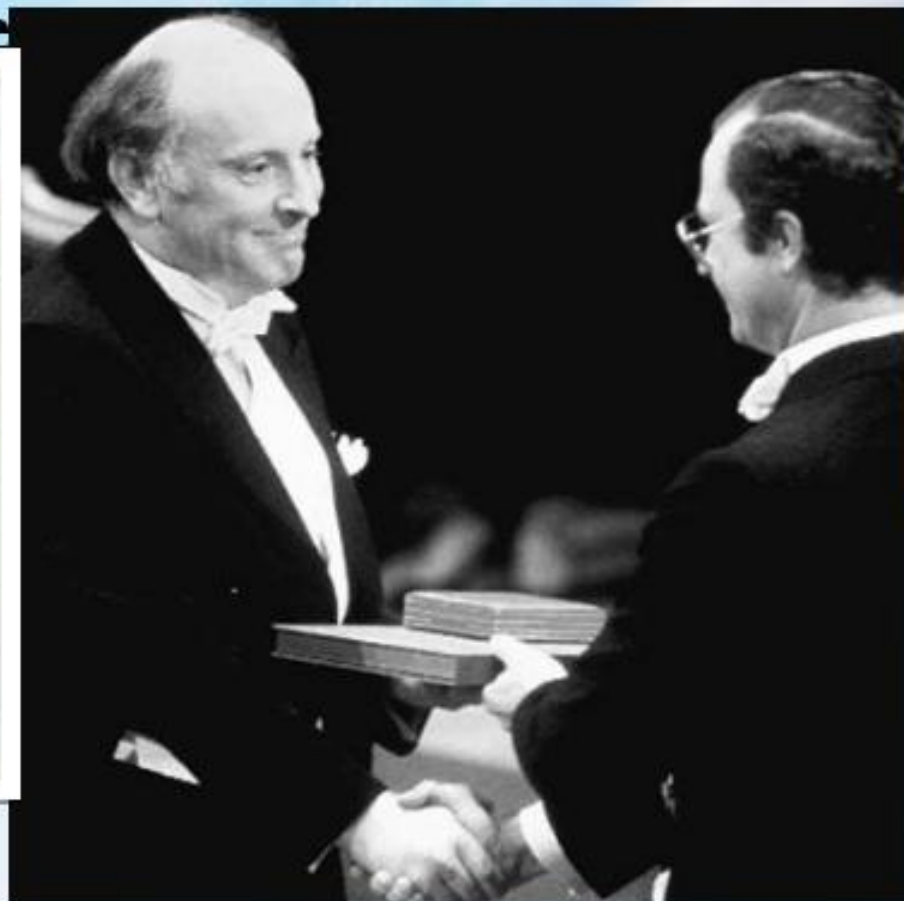
22 октября 1987 года Шведская академия объявила имя очередного **Нобелевского лауреата** по литературе. Им стал Иосиф Бродский. Он пятый русский писатель после И. Бунина (1933), Б. Пастернака (1958), М. Шолохова (1965) и А. Солженицина (1970), удостоившийся этой высокой награды. Бродский стал одним из самых молодых нобелевских лауреатов по лите

SVENSKA AKADEMIEN
HAR VID SITT SAMMANTRÄDE DEN 22 OKTOBER 1987
I ÖVERENSSTÄMMELSE MED FÖRESKRIFTERNA
I DET AV
ALFRED NOBEL
DEN 27 NOVEMBER 1895 UPPRÄTTADE
TESTAMENTE BESLUTAT ATT
1987 ÅRS NOBELPRIS I LITTERATUR
SKALL TILLDELAS
JOSEPH BRODSKY
FÖR ETT VITTFAMNANDE FÖRFATTARSKAP,
PRÄGLAT AV TANKESKÄRPA
OCH POETISK INTENSITET.

UTSKRITT DEN 10 DECEMBER 1987

Åke Ohlsson *Sture Ohlsson*

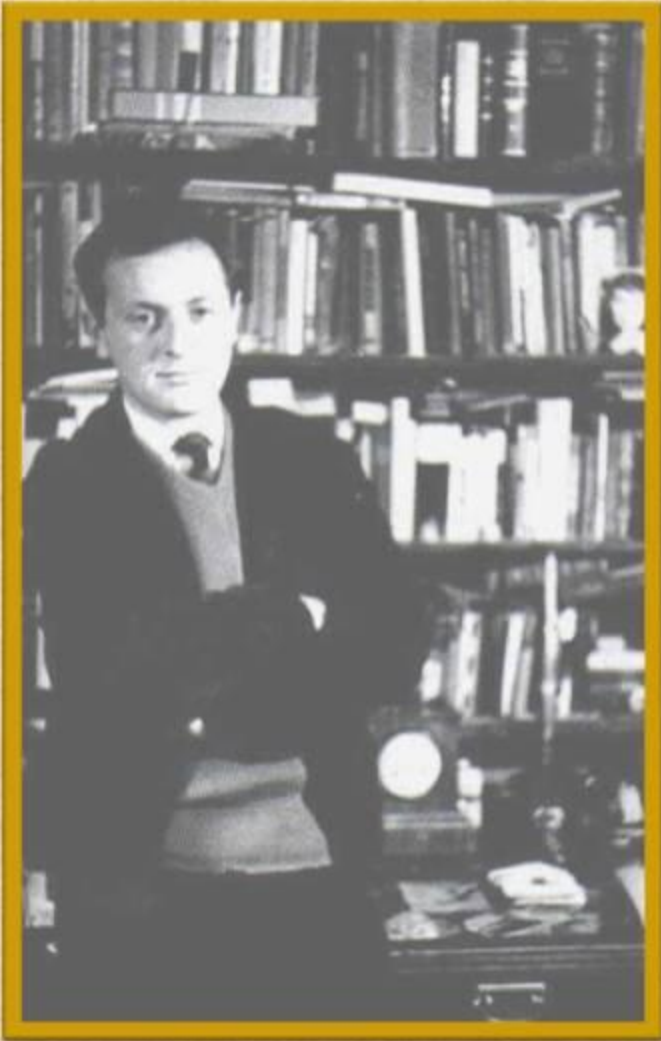

- ▶ 1961 — Поэма «Петербургский роман», цикл «Июльское интермеццо», поэма-мистерия «Шествие».
- ▶ 1963 — Цикл «Песни счастливой зимы», «Большая элегия Джону Донну», поэма «Исаак и Авраам», поэма-эпопея «Столетняя война».
- ▶ 1966 — Роман в стихах «Горбунов и Горчаков».
- ▶ 1972 — «Бабочка», «Сретенье».
- ▶ 1973 — Первый английский сборник «Second Poems»
- ▶ 1975 — «Осенний крик ястреба».
- ▶ 1976 — Цикл «Часть речи».
- ▶ 1980 — Том переводов английской и американской поэзии.
- ▶ 1981 — «Римские элегии».
- ▶ 1983 — Книга любовной лирики «Новые стансы к Августе».
- ▶ 1986 — том эссе «Меньше единицы».
- ▶ 1987 — Сборник «Урания».
- ▶ 1990 — Сборник «Назидание».
- ▶ 1992 — Двухтомное собрание сочинений «Форма времени»
- ▶ 1992/95 — Подготовленные Пушкинским фондом «Сочинения Иосифа Бродского» в пяти томах.

Начало творчества

Ранний период творчества Иосифа Бродского чрезвычайно продуктивен.

Принцип необходимости своего постоянного духовного роста и рецепт лепки индивидуального, легко узнаваемого поэтического шедевра: **сжатость, мощь, новизна, содержательность, эзоповская иносказательность, афористичность, мастерство, гармония.**

Письма римскому другу (1972)

Нынче ветрено и волны с
перехлестом.

Скоро осень, все изменится в округе.

Смена красок этих трогательней,

Постум,

чем наряда перемена у подруги.

Дева тешит до известного предела --

дальше локтя не пойдешь или
колена.

Сколь же радостней прекрасное вне
тела:

ни объятья невозможны, ни измена!

Посылаю тебе, Постум, эти книги.

Что в столице? Мягко стелют? Спать
не жестко?

Как там Цезарь? Чем он занят? Все
интриги?

Все интриги, вероятно, да
обжорство.

Я сижу в своем саду, горит
светильник.

Ни подруги, ни прислуги, ни
знакомых.

The image is a composite of two scenes. On the left, a woman with long, dark hair is shown in profile, wearing a dark hooded cloak and a light-colored, textured garment. She has a somber expression. On the right, a bronze statue of a woman in classical attire stands in a park-like setting with trees and buildings in the background under a hazy sky. The overall color palette is muted, with greens, greys, and earthy tones.

Мосиф Бродский.

Плывет в таске необъяснимой
преманвй хор соинамбур, пвдннц.

В парной столице фотоснимок
пегамбно сдмал иностранец,

и въезжает на Ордвинку

такси с болонвнши сегоками,

и мертвецвн стоят в обднннку

И страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
Я впотьмах не найду.
Между выцветших линий
На асфальт упаду.

И душа, неустанно
Поспешая во тьму,
Промелькнет над мостами
В петроградском дыму,
И апрельская морось,
Над затылком снежок,
И услышу я голос:
- До свиданья, дружок.

И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой.
- словно девочки-сестры
из непржитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

Иосиф Бродский

A person in a dark coat stands in a forest of tall, thin trees. The scene is dimly lit, with a soft glow from the trees behind them. The person is centered in the background, looking towards the camera.

ОДИНОЧЕСТВО

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Одиночество

*Когда теряет равновесие
твое сознание усталое,
когда ступени этой лестницы
уходят из под ног, как палуба,
когда плюет на человечество
твое ночное одиночество, -*

*ты можешь
размышлять о вечности
и сомневаться в непорочности
идей, гипотез, восприятия,
произведения искусства,
и – кстати – самого зачатия
Мадонной сына Иисуса.*

*Но лучше поклоняться данности
с глубокими ее могилами,
которые потом,
за давностью,
покажутся такими милыми.*

Не выходи
из комнаты

ИОСИФ
БРОДСКИЙ

«Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...» Иосиф Бродский

*Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.
Зачем тебе солнце, если ты куришь "Шипку"?
За дверью бессмысленно все, особенно — возглас счастья.
Только в уборную — и сразу же возвращайся.*

*О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора.
Потому что пространство сделано из коридора
и кончается счетчиком. А если войдет живая
милка, пасть разевая, выгони не раздевая.*

*Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло.
Что интересней на свете стены и стула?
Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером
таким же, каким ты был, тем более — изувеченным?*

*О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, боссанову
в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу.
В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной.
Ты написал много букв; еще одна будет лишней.*

*Не выходи из комнаты. О, пускай только комната
догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито
эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция.
Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.*

*Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были.
Не выходи из комнаты! То есть дай волку мебели,
слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся
шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.*

КУДА СОБРАЛСЯ? ТЫ ЧТО,
Бродского НЕ ЧИТАЛ?

**Александр
Пушкин**

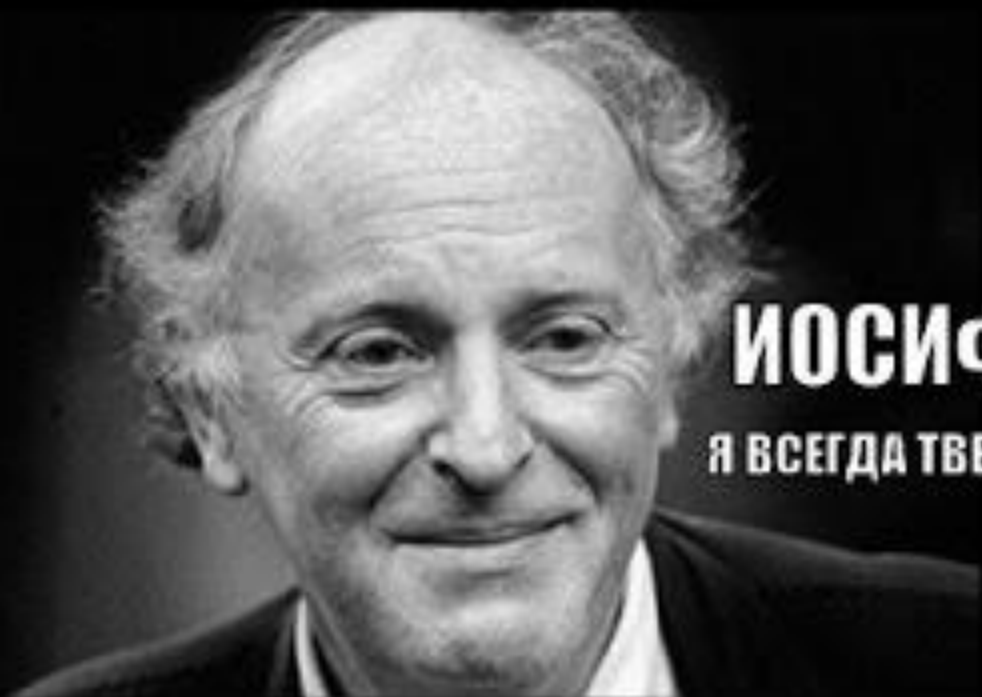
Я вас любил: любовь еще, быть
может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.
1829

**Иосиф
Бродский**

Я вас любил. Любовь еще (возможно,
что просто боль) сверлит мой мозги.
Все разлетелось к черту на куски.
Я застрелиться пробовал, но сложно
с оружием. И далее: виски:
в который вдарить? Портила не дрожь, но
задумчивость. Черт! Все не по-людски!
Я вас любил так сильно, безнадежно,
как дай вам Бог другими — но не даст!
Он, будучи на многое горазд,
не сотворит — по Пармениду — дважды
сей жар в крови, ширококостный хруст,
чтоб пломбы в пасти плавилась от жажды
коснуться — «бюст» зачеркиваю — уст!
1974

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Я ВСЕГДА ТВЕРДИЛ, ЧТО СУДЬБА - ИГРА.

Я всегда твердил, что судьба - игра.
Что зачем нам рыба, раз есть икра.
Что готический стиль победит, как школа,
как способность торчать, избежав укола.
Я сижу у окна. За окном осина.
Я любил немногих. Однако - сильно.
Я считал, что лес - только часть полена.
Что зачем вся дева, раз есть колено.
Что, устав от поднятой веком пыли,
русский глаз отдохнет на эстонском шпиле.
Я сижу у окна. Я помыл посуду.
Я был счастлив здесь, и уже не буду.
Я писал, что в лампочке - ужас пола.
Что любовь, как акт, лишена глагола.
Что не знал Эвклид, что, сходя на конус,
вещь обретает не ноль, но Хронос.
Я сижу у окна. Вспоминаю юность.
Улыбнусь порою, порой отплюнусь.
Я сказал, что лист разрушает почку.
И что семя, упавши в дурную почву,
не дает побега; что луг с поляной
есть пример рукоблудья, в Природе данный.
Я сижу у окна, обхватив колени,
в обществе собственной грузной тени.
Моя песня была лишена мотива,
но зато ее хором не спеть. Не диво,
что в награду мне за такие речи
своих ног никто не кладет на плечи.
Я сижу у окна в темноте; как скорый,
море гремит за волнистой шторой.
Гражданин второсортной эпохи, гордо
признаю я товаром второго сорта
свои лучшие мысли и дням грядущим
я дарю их как опыт борьбы с удушьем.
Я сижу в темноте. И она не хуже
в комнате, чем темнота снаружи.

КОТ

Он был тощим, облезлым, рыжим.
Грязь помоек его покрывала.
Он скитался по ржавым крышам,
А ночами сидел в подвалах.
Он был старым
И очень слабым.
А морозы порой жестоки.
У него замерзали лапы,
Точно так же, как стынут ноги.
Но его никогда не грели,
Не ласкали и не кормили.
Потому что его не жалели.
Потому что его не любили.
Потому что выпали зубы.
Потому что в ушах нарывы...
..Почему некрасивых не любят.
Кто-то должен любить некрасивых.

Иосиф Бродский, 1957 год.

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
дорогой, уважаемый, милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить уже,
не ваш, но
и ничей верный друг вас приветствует с одного
из пяти континентов, держащегося на ковбоях.
Я любил тебя больше, чем
ангелов и самого, и поэтому дальше теперь
от тебя, чем от них обоих.
Далеко, поздно ночью, в долине, на самом дне,
в городке, занесенном снегом по ручку двери,
извиваясь ночью на простыне,
как не сказано ниже, по крайней мере,
я взбиваю подушку мычащим "ты",
за горами, которым конца и края,
в темноте всем телом твои черты
как безумное зеркало, повторяя

....

*Иосиф
Бродский*

Прощай.
Позабудь
И не обессудь.
А письма сожги...
Как мост.
Да будет мужественен
Твой путь,
Да будет он прямым
И прост.
Да будет во мгле
Для тебя гореть
Звездная мишура,
Да будет надежда
Ладони греть
У твоего костра.
Да будут метели,
Снега, дожди
И бешеный рев огня.
Да будет удач у тебя впереди
Больше, чем у меня.
Да будет могуч и прекрасен
Бой,
Гремящий в твоей груди.
Я счастлив за тех,
Которым с тобой,
Может быть,
По пути.

БРОДСКИЙ

Иосиф Александрович

(24 мая 1940, Ленинград — 28 января 1996, Нью-Йорк)

Пилигримы

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле
пилигримы.

Увечны они, горбаты.
Голодны, полуодеты.
Глаза их полны заката.
Сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звёзды дрожат над ними,
и хрипло кричат им птицы,
что мир остаётся прежним.

Да. Остаётся прежним.
Ослепительно снежным.
И сомнительно нежным.
Мир остаётся лживым.
Мир остаётся вечным.
Может быть, постижимым,
но все таки бесконечным.

И, значит, не будет толка
от веры в себя, да в Бога,
и, значит, остались только
Иллюзия и Дорога.
И быть над землёй закатам,
и быть над землёй рассветам.

Удобрить её солдатам.

Одобр **Страна Мам.ру**

Итоговое философское стихотворение

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.

С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.

Из забывших меня можно составить город...

Я впустил в свои сны вороненый зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок...

Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.

Но **пока мне рот не забили глиной,**
из него раздаваться будет лишь благодарность.

24 мая 1980

СМЕРТЬ ПОЭТА

Век скоро кончится, но раньше кончусь я.
Это, боюсь, не вопрос чутья.
Скорее -- влиянье небытия

на бытие...

...Мир больше не тот, что был

прежде, когда в нем царили страх, абажур, фокстрот,
кушетка и комбинация, соль острот.
Кто думал, что их сотрет,

как резинкой с бумаги усилья карандаша,
время? Никто, ни одна душа.
Однако время, шурша,

сделало именно это.

(Fin de Siecle)

Могила во
Флоренции

ВЕНЕЦИЯ
ИОСИФА
БРОДСКОГО

Иосиф Бродский

Как хорошо, что некого винить,
Как хорошо, что ты никем не
связан,
Как хорошо, что до смерти
любить
Тебя никто на свете не обязан.